

Л. ДУНКАН и С. ЕСЕНИН.

...Танцы, которые она придумала в детстве, казались ей прекраснее тех, которые она увидела в школе хореографии, куда мать привела ее еще девочкой. Учитель попросил ее встать на пальцы. «К чему это?» — рассердилась Айседора. «Это красиво», — сказал учитель. «Это неестественно», — возразила Айседора и после третьего урока покинула балетную школу навсегда, поставив крест на самом принципе современного ей балета. Впоследствии она будет танцевать на сцене многих стран мира — босая, в короткой тунике белого или красного цвета, будет «танцевать музыку» так, как она ее слышит и «видит». Но это впоследствии...

А пока 16-летняя Айседора распродает свои пожитки, даст случайные уроки и на вырученные гроши объезжает одного за другим директоров театров в Сан-Франциско, Нью-Йорке и других городах Америки, а затем и Европы, предлагая им свой «новый танец». Ей отказывают со смехом или посылают в мюзик-холл. Однажды в Чикаго сильный приступ голода заставил ее выступить в мюзик-холле стреляющих накануне перед Зимним дворцом. Айседора плакала. «Если бы посад не опоздал... и бы никогда этого не увидела, — напишет она потом в своей книге. — Если бы я никогда этого не увидела, вся моя жизнь сложилась бы иначе. Там, перед этой, казавшейся бесконечной, процессией, перед этой трагедией я поклялась посвятить себя и свои силы служению народу...» Все ее собственные страдания показались ей ничтожными.

Одним из первых Айседору Дункан восторженно примет К. С. Стаиславский. «После первого вечера я уже не пропустил ни одного концерта Дункан, — пишет он. — Потребность видеть ее диктовалась изнутри артистическим чувством, родственным ее искусству. Впоследствии, познакомившись с ее методом, так же как с идеями ее генерального друга Крага, я понял, что в разных концах мира, в силу неведомых нам условий, разные люди, в разных областях, с разных сторон ищут в искусстве одних и тех же очередей, естественно-нарождающихся творческих принципов. Встречаясь, они поражаются общностью и родством своих идей».

Танцы Айседоры Дункан потрясли и молодого балетмейстера Михаила Фокина. Воочию увидел он многое из того, что грезилось ему. В течение многих лет искусство всея мира будут писать, что

люди в танцевала с дикой, неистовой радостью», — расскажет она потом. Четыре года спустя, отказавшись от выгоднейших предложений танцевать в Америке и Голландии, она тотчас согласится на приглашение Советского правительства. Буржуазные газеты поднимут вой по этому случаю, но вот тут Айседора и скажет им: «Физический голод — ничто. Я боюсь голода духовного...»

«По пути в Россию, — напишет Айседора в своей «Исповеди», — я чувствовала то, что должна испытывать душа, уходящая после смерти в другой мир. Я думала, что навсегда расстанусь с европейским укладом жизни. Я верила, что идеальное государство, каким оно представлялось Платону, Карлу Марксу и Ленину, чудом осуществилось на Земле. Со всем жаром существа, отчаявшегося в попытках претворить в жизнь в Европе свои художественные видения, я готовилась вступить в идеальное государство коммунизма... Прощай, старый мир! Привет тебе, мир новый!» Так заканчивается книга ее мемуаров.

Она сшила себе костюмы красного цвета (специально для «красной России») и явилась в Петроград без денег, считая, что слова «товарищ» достаточно, чтобы доехать до гостиницы. Убедившись, однако, что коммунизм еще не наступил, она жила в России несколько лет на свои средства, неизменно отказываясь от всякой платы за выступления и работу в детской школе танца. Буржуазные газеты вопили, что она «продалась большевикам», а Луначарский писал, что Дункан «отказывается выступать даже на благотворительных вечерах и согласна танцевать в залах, где сидит абсолютно бесплатная и по возможности чисто рабочая публика. Интересно и то, что рабочие уже учули друга в ней...»

О детской студии Дункан советские газеты писали очень много. Вот лишь названия танцевальных номеров, в которых выступали дети: «Кузнецы», «Варшавянка», «Замучен тяжелой неволей», «Красная Армия», «Интернационал». «Я хочу, чтобы рабочий класс за все свои лишения, которые он нес годами, получил бы высшую награду, видя своих детей бодрыми и прекрасными», — говорила Айседора.

Вот заметка в «Правде» (сентябрь 1924 г.): «Дети студии Дункан, отказавшись от летнего отдыха, ради 500 детей рабочих Замоскворецкого и Хамовнического районов, не имевших возможности выехать на лето из Москвы, — вели все лето занятия на Спорт-арене Красного Стадиона. Занятия эти дали блестящие результаты: дети, поступившие безлевыми, хилыми и робкими, быстро научились крепнуть, смелеть, буквально перерождались».

Студия Дункан гастролировала затем в разных странах, и белая пресса Тяньцзиня, например, писала: «Комсомол мадам Дункан — не искусство. Это — агитпоездка на Восток...»

...Айседора стала женой Сергея Есенина. Он сопровождал ее в заграничной поездке, куда призвали Айседору финансовые и прочие дела. Ее концерты за границей — это был один сплошной и мощный вызов старому миру. Конная полиция непременно окружала зал, где танцевала Айседора. С нее брали подписки, что она не будет исполнять танец «Интернационал». Но только в Америке она исполняла его 12 раз по требованию публики, за что была лишена американского гражданства и выслана. Есенин принимал в этих «бунтах» непосредственное участие.

«Что бы там ни писали в буржуазной печати любители сенсаций, какие бы домыслы и догадки ни строили авторы новелл и романов о взаимоотношениях двух знаменитых людей — русского поэта и американской танцовщицы, можно со всей уверенностью сказать, что в их натуре было нечто общее: артистизм, размах, смелость, щедрость души, — так напишет Корнелий Зелинский. — И только любовь, только непрерывное удивление перед богатой душой, перед искусством его подруги могли в томлении заграничного одиночества удержать Есенина так долго возле Дункан».

Разрыв с Есениным по сугубо личным мотивам Айседора переживала очень тяжело, и он был одной из причин того, что она покинула нашу страну, оставив школу на попечение своих учениц.

Она собиралась написать вторую книгу своих мемуаров, целиком посвященную годам в России. Но трагическая гибель в 1927 году оборвала ее жизнь.

Она не успела написать свою «русскую» книгу. Но она успела (буквально) распрямить спины пусть не тысячам, как она мечтала, но сотням детей русских рабочих. А эти сотни гонесли ее искусство дальше... Она успела всей своей жизнью, похожей на легенду, показать, сколь многое может сделать один человек, если он одержим страстной верой в лучшее будущее.

Кто-то верно сказал: Дункан — это уже не имя, это — программа.

Нелля ЛОГИНОВА

Айседора ДУНКАН

О ДНАЖДЫ боги заглянули сквозь стеклянную крышу, в студию, где упражнялась в танцах Айседора Дункан. Затем они обменялись мнениями. Афина назвала ее глуповатой, Деметра сравнила ее с заморышем, у которого можно пересчитать ребра, а Терпсихора — с чернахой, у которой вывихнуты ноги. Остальные высказались в том же духе, после чего боги много смеялись. Их громовой смех, однако, не смутил девочку. И, обратившись к ним сквозь ту же стеклянную крышу, она сказала, что жителям высокого Олимпа, которые питаются амброзией, не приходится платить ни за ателье, ни по счетам пекаря, и потому пусть они не судят ее строго.

Эту маленькую басню о себе Айседора рассказала слушателям, пришедшим на ее лекцию «Танец будущего». Дело происходило в начале нашего века, Айседоре было чуть больше 20 лет. Дерзость ее можно назвать изумительной и безграничной.

Действительно, вся ее жизнь — дерзость и вызов.

...Однажды мать Айседоры, учительница музыки в маленьком курортном городке Калифорнии, вернулась домой с урока и увидела следующее: шестилетняя Айседора собралась на террасе окрестных детей и учит их плавно размахивать руками. Матери показалось это забавным, и она стала подыгрывать им на пианино. Занятия вскоре сделались регулярными, и родители местных ребятшек стали платить Айседоре небольшие суммы за уроки. В 10 лет Айседора бросила общеобразовательную школу, так как ее собственная «школа танца» уже сделалась известной на побережье. «Я называла свое преподавание новой системой танца, хотя в нем не было никакой системы. Я следовала своей фантазии и импровизировала, обучая всему, что приходило мне в голову. Один из первых моих танцев был посвящен стихотворению Лонгфелло «Я пустил стрелу в воздух...». Я читала стихотворение и учила детей следовать смыслу жестами и движением. По вечерам мать играла, а я сочиняла танцы...» Так описывает эти занятия Айседора Дункан в своих мемуарах. И пока мы видим здесь лишь дерзость ребенка, который «сочиняет» танцы, учит других да еще называет это «новой системой». Пока это лишь смешно и трогательно.

Но вот Айседора подводит в книге итог своего детства и благодарит судьбу за бедность и даже нищету, которые ей пришлось испытать. За то, что матери порой нечем было накормить своих четверых детей и она играла Бетховена и Моцарта и читала стихи Шекспира и Китса, чтобы скрасить им голодные вечера. За то, что мать часто сетовала: «Отчего все четверо моих детей стали артистами, и ни один — практичным человеком?» В то время, как «именно ее собственный прекрасный и беспокойный дух сделал нас артистами», — пишет Айседора. — Она научила нас великодушному презрению и пренебрежению к обладанию вещами. По ее примеру я никогда в жизни не носила ни одной драгоценности. Мать научила нас, что все эти вещи в конце концов оказываются путями. Беспокойный дух детства и юности Айседоры дал ей право сказать перед отъездом в Советскую Россию, когда буржуазные газеты запугивали ее голодом: «Физический голод — ничто. Я боюсь голода духовного, который теперь царит в мире».

В этих словах — ключ ко всей ее жизни. Свободное творчество во имя высокой цели — единственное, что плодилось Айседору на тот или иной шаг.

ле вместе с акробатами и дрессированными обезьянами. Заработав за неделю 50 долларов, она с отвращением оставляет мюзик-холл.

Между тем, хотя Айседора еще ни разу не выступила в театре, слава о ней как об удивительной танцовщице росла. Это объясняется тем, что она охотно танцевала в салонах, где собирались музыканты, артисты, литераторы, в студиях художников. После целого вечера ее танца в лондонской Новой галерее живописи о ней с восторгом писали в газетах. Ее искусство потрясло Ренуара и Родена. Для Айседоры писали уже музыку композиторы. Она позировала художникам. Но театры, куда она стремилась, были по-прежнему закрыты для нее. Коммерсант из Берлина специально приехал предложить Айседоре 1000 марок за одно выступление в мюзик-холле. «Нет! — с гневом ответила она. — Настанет время, и я приеду в Берлин танцевать в других залах!»

Вот это самое интересное. Начиная с того вечера в Чикаго, где публика мюзик-холла редела от восторга после танца Айседоры, она могла бы составить уже целое состояние. Но она ни разу, ни на одно мгновение не усомнилась в высоком назначении своего искусства.

О том, что люди будущего непременно станут красивыми, мечтали философы всех времен. Айседора дерзнула показать, какими красивыми они будут, как они будут двигаться, как свободно и раскованно танцевать.

...Слава ее росла, но денег не приносила. Айседора подолгу питалась одними лепешками и томатами. Но на последние гроши умудрялась снимать «студию». Это всегда была более или менее (в зависимости от денег) просторная комната, абсолютно пустая, без мебели и вещей. Пол застелен простым сукном или ковром. В углу стоит пружинный матрас (или пять матрасов, если к Айседоре съезжается вся семья. Мать, сестра и братья также свято верили в талант Айседоры и почти постоянно следовали за нею всюду. Впоследствии она будет содержать их всех, с женами и детьми). Ночью студия превращалась в спальню, но днем матрасы ставились стоймя, и студия пустела, Айседора танцевала в ней одна по многу часов.

...Некий венгерский импресарио наконец предложил ей контракт на 30 вечеров в театре Будапешта. Первый же ее концерт сопровождался неописуемым триумфом.

Далее можно бесконечно перечислять названия городов и стран: в Мюнхене студенты выпрягли лошадей из ее коляски и возили ее по городу, в Берлине все улицы были увешаны плакатами с ее именем, в Афинах король просил ее выступить во дворце и т. д.

Несколько раз она приезжала с концертами в Россию. Поезд, который привез ее в Петербург в январе 1905 года, опоздал на сутки из-за снежных заносов. В предвечерних сумерках извозчик вез ее в гостиницу «Европа». Внезапно она увидела страшное зрелище: длинную процессию людей, несущих гробы. Извозчик перекрестился и объяснил, что это рабочие хоронят своих товарищей, рас-

реформу русского балета Михаила Фокина осуществил под влиянием Дункан. И он сам всегда будет отдавать дань этой великой артистке.

В свою очередь Айседору восхищались русским балетом, подобного которому она не видела нигде в Европе, и в особенности Анной Павловой, которая казалась ей «эластичной и сделанной из стали».

В эти годы Айседора окончательно сформировала теорию своего «нового танца», и все ее мысли устремились на обучение детей. И снова — взгляните, какая дерзость в ее замыслах, какие масштабы! Она хотела научить танцевать 1000 детей. Чтобы эта тысяча детей затем научила танцевать еще тысячи... Страстная и наивная, она хотела танцем изменить мир.

Вокруг себя она видела взрослых, тупых, изнеженных или согбенных непосильным трудом, толстых или голодных, изуродованных излишеством или нищетой, и она зывала не к ним, а к их детям: станьте прекрасными! Она купила дом и 40 (пока только 40!) кроваток, развела по всему дому картины и расставила скульптуры танцующих, бегающих и прыгающих детей и молодежи. Ее ученики тренировали свое тело, чтобы потом непременно «забыть о нем», чтобы оно было просто инструментом для выражения эмоций. Эмоций высоких и прекрасных — это ее условие было непререкаемо.

...Ее собственные дети — пятилетняя девочка и трехлетний мальчик — уже начинали танцевать. Особенно она радовалась успехам дочки и чувствовала себя счастливой матерью. Однажды детей везли в автомобиле домой. Внезапно мотор заглох. Шофер вышел, чтобы подкрутить его вручную. Машина вдруг двинулась, сломала паранет и упала в Сену... Детей нашли только через час в ледяной воде. Девочка некоторое время еще дышала.

В день похорон парижские студенты украсили все деревья перед домом Айседоры белыми цветами...

Она не выступала несколько лет. Она «бежала» буквально от себя, от воспоминаний. Например, оказалась в Албании, в нищем селении, где «придумала» способ накормить голодных. Покупала пряжу и раздавала ее безработным пряхам за 1 драхму в день. Продавала им хлеб дешевле, чем в магазине... Щедрая Айседора, она всегда понимала голодных и мучилась тем, что может накормить лишь ничтожное их число.

Началась первая мировая война. Айседора была сестрой милосердия. Затем снова начала обучать детей. Она открывала школы в разных странах, усиленно искала средства для их содержания. И с этой целью снова вернулась на сцену... «Если бы я рассматривала танец лишь как исполнение соло, мой жизненный путь был бы совершенно прост. Достигнув уже славы, желанная в любой стране, я должна была лишь продолжать свою триумфальную карьеру. Но, увы, я была одержима мыслью о школе, обширном ансамбле, танцующем Девятую симфонию Бетховена».

В октябре 1917 года она узнала о событиях в России. «В ночь русской рево-

